

28 О чем говорят музы

— Вы сейчас будете смотреть очень странный фильм, — заявил на презентации, или попросту, как говорили когда-то, в "дооккупационный" период, на премьере, фильма "Кавказский пленник" в Доме кино (не "кинематографистов") Андрей Тарковский, представлявший картину. — Обычно у нас, кто бы ни брался за экранизацию Льва Толстого, все прикладывались мордой об стол (очевидцы клянутся, что именно эти слова и были произнесены). Здесь, как ни странно, — продолжал Тарковский, — этого не произошло. Хотя... Я очень люблю актера Юру Назарова, но никогда в жизни не взял бы его на роль Жилина. Жилин мне представлялся маленьким, вертким, жилистым... Но они меня убедили. Это — Толстой.

Ну какое такое особое "счастье" можно найти в "пройденном" где-то в 4-м еще классе средней школы "Кавказском пленнике", от которого остались какие-то зарубки в памяти: Жилин да Костылин... А что еще? Да ничего.

Примерно с такими же внутренними ощущениями встретил и я впервые даже не предложение еще, а так... вопрос-завлечалку: "А не согласился бы? Вот думаю подать заявку и тебя предложить на Жилина? Да от кого! От человека, к которому я относился с колоссальным уважением, каким-то неиссякающим любопытством и трепетной нежностью, — от Георгия Михайловича Калатошишвили, ласково, домашнему именуемого всеми близкими "Тито". И тут, конечно, не могло быть речи не только об отказе с моей стороны, но даже ни о каком раздумывании: да, да, и только — да!

Слетал на пробы, прошли поиски, примерки грима, костюма (мундир выбрали поскромнее, попривычнее, Нижегородского полка, зеленый), выехали в экспедицию на Северный Кавказ в... уже и не вспомнишь, как он тогда назывался: Дзауджикау? Орджоникидзе? Нынче это вроде, как когда-то изначала, Владикавказ. Съемки были километров за 30, за 40, может, подальше: в ущелье Фиагдон, там, где старые башни, погосты древнего Иристана, а жили мы на окраине города в мотеле "Дарьял".

И вот подошла сцена где, "пленник" узнает непримиримого, стрелявшего в него жестокого старика горца. И рассказывает Костылину про этого старика, как он всех своих сыновей отдал: благословил на борьбу с захватчиками (с русскими), а один сын у него переметнулся к русским. Так старик сам перешел к русским, нашел сына, убил его и вернулся к своим. На что Костылин реагирует: "Боже! Какая дикость..." Только у Толстого хозяин Абдул Жилину про этого старика рассказывает, а у нас решили, что Жилин сам вспомнит, узнает старика и расскажет Костылину.

Как вот это было играть?

Тито Калатошишвили по профессии оператор, не режиссер, он даже языка нашего профессионального не знает. Тито очень хорошо видит, чувствует, понимает, что годится, что не годится, но как сделать (мне, актеру) то, что годится, он не знает. И — молчит.

Юрий НАЗАРОВ,
заслуженный артист России

Толстой, Тито и я...

Как мы работали над телефильмом
"Кавказский пленник"

15-й ноябрь — 1995 — № 2 — с. 28

Что делать? Ну, думаю, профессионально-то, с правильными знаками препинания я эту историю (про старика) изложу... Авось сойдет? Излагаю. Вроде даже снимаем. Посматриваю на Тито. Он не обижается, не укоряет, но — мучается... Дрянь, ерунду я делаю... Хотя и с верными знаками препинания... Но что делать-то?

А дальше это "удивление", эта святая детская открытость Жилина, любопытство, интерес ко всему окружающему (как бы тяжело, как бы жестоко и несправедливо к нему оно ни было!) стали стержнем моего Жилина.

Первый побег. Еще вместе с Костылиным. Стерты, сбиты ноги в опорках, потом

босиком по камням; виснет веригами, гириями на ногах капризный, избалованный Костылин; смерть подстерегает за каждым углом (не смерть, так неволя, которая, может, и хуже смерти...), а Жилин — радуется: оленя увидел! Живого! В природе, в натуре! На свободе! Ну чем не ребенок?... Чем опять же вызывает раздражение трезвого и "взрослого" Костылина...

И ни Лев Николаевич не перечил мне в этой избранной мной трактовке образа Жилина, ни Тито не возражал... Мы вообще изумительно дружно жили: Толстой, Тито и я... Не знаю, как Тито и Толстому, но мне жутко нравилось! Я был в восторге. Вот это и было счастье.

Днем мы работали, можно даже сказать, вкалывали, вечера я проводил в номере у Тито (пили чай, разговаривали... О чем угодно: о жизни, о политике, об А.Д.Сахарове — очень животрепещущей тема была: его не то выслали уже тогда, не то только клевали, собирались... Только не о работе: ни о предстоящей назавтра съемке, ни об общей "концепции" фильма, роли...), а спать ложился я уже у себя в номере с неизменным томиком Толстого.

Где мне удобнее было сказать по-своему, я свободно менял и знак препинания, и даже буквы — и ни Толстой, ни Тито не придирались к этому: удобней — и удобней, на здоровье! Тито тоже находил у Толстого какие-то неточности в изображении кавказского быта, но — не раздражающие неточности, допустимые. Это был 1975 или 1976 год, "перестройкой", переосмыслением еще и не пахло тогда, и мне абсолютно искренне и убежденно казалось, что Л.Н.Толстой на деле исповедует и проводит ленинскую, коммунистическую национальную политику: не навязывание своих великодержавных указаний и установлений, а самый искренний, самый жгучий интерес и уважение к местным законам и обычаям (ну прямо детское святое любопытство моего Жилина!). И ведь Кавказ до сего дня (ну или до времени, когда мы там работали) ненавидел завоевателя их А.П.Ермолова (хотя и героя 1812 года!) и обожал М.Ю.Лермонтова и Л.Н.Толстого...

Все как-то было очень складно и славно у нас... И казаки гребенские, местные, снимавшиеся на бричке в обозе (с которым Жилин отправлялся в отпуск или даже в отставку, до пленения еще). Снимали "форсирование" этим обозом какой-то горной речушки, и я обеспокоился: может, здесь неудобно переходить, может, в другом месте попробовать?

— Да что мы? Не казаки, что ли? Оп! Оп-оп! И выехали!

Очень благодарным для картины оказалось, что снимали ее именно кавказцы, именно "Грузия-фильм" с их любовью и знанием кавказской стороны этой истории. Ну, а уж русская сторона — это было наше со Львом Николаичем дело...

Воспоминания об этом бесконечны: разве можно когда-нибудь устать вспомнить счастье?

Толстой... Кавказ... взаимопонимание, симпатия... искренняя, верная... Хотите — верьте, хотите — нет. И хотя... кроме того, что мне сломали ребро, я вообще не чаял из этого дела выкрутиться, ей-богу. Во всяком случае, если бы физические силы (а вместе с ними и жизнью!) иссякли до окончания съемок — я не удивился бы... Я был готов к этому... Таких ощущений и предвкушений не "дарила" мне ни одна из моих работ за 30 с небольшим лет в кинематографе (а Звари мой... мне потом сказали, что он где-то сразу же после съемок... "скончался" о животных не говорят, а "издох" — язык не поворачивается... Не выдержал Звари напряжения...). И тем не менее! Большого счастья, чем два с лишком месяца в ущелье Фиагдон и мотеле "Дарьял", с Толстым, Тито Калатошишвили и "Грузия-фильмом", — большего счастья в своей не такой уж короткой киносудьбе я, пожалуй, не вспомню...